

УДК 82/31

DOI 10.31483/r-107471

*Емашев А. А.**Бакула В. Б.*

ЭТНИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ В ПЕРВОМ СААМСКОМ РОМАНЕ «АЛХАЛАЛАЛАЙ» Н. БОЛЬШАКОВОЙ

Аннотация: статья представляет собой продолжение исследований мифопоэтики первого саамского романа «Алхалалалай», написанного Н. Большаковой. Авторы ставят целью исследования выявление этнических архетипов, которые нашли отражение в произведении. Материалом для анализа послужил роман и некоторые этнические архетипы в нем.

В основу исследования положены теоретический анализ изысканий в области ряда гуманитарных наук, в частности, антропологии и культурологии, мифологии и фольклора, литературоведения, а также этнографии; синтез полученных данных, методы мифопоэтического и лингвокультурологического анализов, сравнительно-типологический метод. В результате исследования авторам удалось выделить и охарактеризовать этнические архетипы, которые отражают ценности и опыт конкретной этнической группы. В саамской литературе обращение к архаике ярко выражено, что объясняется сравнительной молодостью существования саамской письменной культуры. Вековые устные традиции, лежащие в основе современной литературы саамов, обеспечивают взаимосвязь прошлого и настоящего в культуре северного народа. Исследование мифопоэтики романа Н. Большаковой с точки зрения этнических архетипов проведено впервые, что составляет новизну работы. Архетипизм творчества этнических писателей поможет выстроить модель мира коренного народа Севера, определить специфику национальной литературы.

Ключевые слова: саамская литература, этнические архетипы, саамский роман, проза саамов, архетип солнца, архетип птицы, архетип оленя.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР №122061400030–3.

Andrey A. Emashev

Victoria B. Bakula

ETHNIC ARCHETYPES IN THE FIRST SAMI NOVEL

“ALKHALALALAI” BY N. BOLSHAKOVA

Abstract: *the article is a continuation of the research on the mythopoetics of the first Sami novel “Alkhalalalai”, written by N. Bolshakova. The authors aim to identify ethnic archetypes that have found expression in the work. The material for the analysis was the novel and some of the ethical archetypes in it. The study is based on a theoretical analysis of research in the field of a number of humanities, in particular, anthropology and cultural studies, mythology and folklore, literary studies, and ethnography; synthesis of the obtained data, methods of mythopoetic and linguoculturological analyses, comparative typological method. As a result of the study, the authors were able to identify and characterize ethnic archetypes that reflect the values and experience of a particular ethnic group. In the Sami literature, the appeal to the archaic is clearly expressed, which is explained by the comparative youth of the existence of the Sami written culture. The age-old oral traditions that form the basis of modern Sami literature provide a message of the past and present in the culture of the northern people. The study of the mythopoetics of the novel by N. Bolshakova from the point of view of ethnic archetypes was carried out for the first time, which is the novelty of the work. The archetypism of the work of ethnic writers helps to build a model of the world of the indigenous people of the North, to determine the specifics of national literature.*

Keywords: *Sami literature, ethnic archetypes, Sami novel, Sami prose, sun archetype, bird archetype, deer archetype.*

Funding: *The reported study was conducted within the independent research and development project №122061400030–3.*

Введение

Литература кольских саамов введена в научный оборот сравнительно недавно. В отличие от литературы западных саамов [Gaski, 2011; Domokos, 2013; Domokos, 2018 и др.], о литературе кольских в литературоведении известны единичные литературоведческие работы [Domokos, 2009; Riebler, 2018].

Между тем литература коренных народов представляет научный интерес как художественный феномен, поэтому в последнее время актуальными стали исследования творчества писателей с точки зрения мифопоэтики, выстроенной в их произведениях модели мира, выявления уникальности национальных литератур [Хазанкович, 2009; Коробейникова, 2010; Жулева, 2019]. Ряд статей посвящен мифофольклорным традициям в национальных литературах [Кусаева, 2013; Темирханова, 2017], структуре и сущности этнического архетипа, выявлению взаимосвязи этнического самосознания, характера народа и его архетипа, изучению архетипа не только как сущностного содержания психики этноса, но и как механизма, отвечающего за взаимодействие человека с природой [Рачин, 2011, с. 82]. Вместе с тем в отечественной науке имеется ряд работ о феномене архетипов, архетипических сюжетов и образов в традиционных культурах [Нимаева, 2013; Динисламова, 2017], изучении доминантного архетипа в структуре личности [Перевозкина, Дмитриева, Перевозкин, Рюмина, Ганпанцурова, 2013], структуре архетипов и их роли в формировании архетипической идентичности [Перевозкина, Перевозкин, Дмитриева, 2014]. Кроме того, имеются изыскания в области архетипов в эколоингвистическом ключе [Курашкина, 2020].

Национально-художественную особенность саамской литературы определяет тесная связь с устным народным творчеством, что доказывает мировоззренческий тип фольклоризма писателей народов Севера. В свою очередь тесная связь с фольклором является результатом перехода в саамской литературе художественного сознания от фольклорного типа мышления к литературному. Обращение к фольклору и мифологии у русско- и саамскоязычных писателей, как осознанное, так и неосознанное, выражается в использовании фольклорных и мифо-

логических сюжетов, мотивов, образов-архетипов, языка. В фокусе нашего исследования – образы-архетипы в первом саамском романе «Алхалалалай» русскоязычного писателя Надежды Большаковой, который она посвятила культурам двух коренных малочисленных народов Севера – саамам и ительменам.

Ранее мы выделили два вида архетипических символов: универсальные, которые имеют дедуктивный характер и аккумулируют весь опыт человечества, систематизируя частное и выделяя из него общее, и этнические, специализированные, которые отражают ценности и опыт конкретной социальной группы [Емашев, 2022]. Этнические архетипы не могут быть рассмотрены вне обращения к этнографическому материалу.

Недостаточная изученность соотношения «миф – фольклор – литература» в саамском литературоведении говорит в пользу актуальности и новизны заявленной темы. Изучение архетипизма творчества саамских писателей открывает определенную перспективу для характеристики художественной специфики саамской литературы.

Материалы и методы

Материалом исследования явился роман «Алхалалалай» Н. Большаковой и некоторые этнические архетипы в нем.

В ходе исследования использовались следующие методы: теоретический анализ работ в области антропологии, культурологии, мифологии, психологии, фольклора, литературоведения, этнографии, синтез полученных данных, мифопоэтический, лингвокультурологический и сравнительно-типологический методы анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Связь фольклора с архаикой, а значит и с мифом, отнюдь не уникальна, она проявляется на разных уровнях и проникает в словесное творчество, формируя традиции и уникальность национальных литератур, структурируя сложную систему взаимодействия эстетических феноменов в авторском тексте.

Под этническими архетипами, идея которых так или иначе была представлена в аналитической психологии К. Юнга, мы имеем в виду архетипическую

систему образно-символического, связанную с легендами, мифами, фольклором, т. е. культурой конкретного народа в целом. Кроме того, нам близка мысль о том, что между этническим архетипом, самосознанием и характером народа существует самая тесная взаимосвязь [Рачин, 2011, с. 80, 82, 88].

В данном исследовании этнический архетип рассматривается в культурах саамов и ительменов. В основе сюжета романа – праздник как ритуал, связанный с идеей обновления [Мелетинский, 1994, с. 79]: обновления крови (саамский праздник имания оленей) и очищения (ительменский праздник алхалалалай), что отсылает нас к тотемическим представлениям коренных народов и их реликтам [Мелетинский, 1994, с. 61].

Наличие этнически наполненных образов-архетипов в романе «Алхалалалай» уже отмечалось В. Б. Бакулой [Бакула, 2019]. Исследователем были выявлены архетип Солнца, связанный с языческими представлениями коренного народа Севера об устройстве Вселенной, и архетип, связанный с образом птицы. Представленные архетипы реализуются в тексте на разных уровнях: при создании пейзажа, портретов персонажей, как внешнего, так и внутреннего; образы Солнца и Птицы часто используются в качестве основы сравнений и метафор. В романе, помимо имплицитного включения архетипических образов, имеются и прямые ссылки на мифы и обряды. Поклонение солнечному диску и тотему птицы характерно для культур саамов и ительменов. У ительменов ворон Кутх является богом-демиургом, у саамов же Мяндаш¹, олень-оборотень, наделен птичьими чертами.

В художественном мире Н. Большаковой архетипический образ птицы играет особую роль.

В финно-угорской мифологии образ птицы сакрален, подтверждение чему можно найти в космогонических мифах. Водоплавающие птицы в понимании древних людей наделены особыми сверхъестественными способностями, благодаря которым они могли существовать в трех стихиях: на воде, земле и в воздухе.

---

¹ Мяндаш – саамское божество в виде золоторогого оленя, легендарный предок саамов. В легендах о Мяндаше отразились древнейшие тотемические представления саамов.

Именно поэтому птице придается важное значение в мифе о сотворении земли [Зыков, 2014, с. 1877].

Птицы значимы и в культуре саамов: охота на них являлась одним из традиционных видов промысла², известны изображения птиц на знаменитых канозерских петроглифах, в саамском орнаменте, с птицей связаны названия месяцев в народном календаре [Бакула, 2017, с. 267–271]. Названия птиц отражены в топонимах, клеймах, птицы изображены на шаманском бубне³, наконец, они участвуют в космическом мироустройстве⁴. Образ птицы играл большую роль в тотемических мифах саамов, в обрядовом и необрядовом фольклоре⁵. Образ птицы – один из самых часто встречающихся образов животного мира в саамских паремиях.

Иной этнический архетип, на который мы обратили внимание, представлен тотемом оленя, восходящим к прародителю саамов – оленю-оборотню Мяндашу. Олень – важнейшее животное в культуре саамов. Его особое положение связано с оленеводством, что «обусловило особенность материальной и духовной культуры саамов, закрепило в их сознании определенные образцы поведения, традиции» [Бакула, 2017, с. 108–112].

Заслуживает внимания и связь двух тотемных животных – птицы и оленя, которая отражена в охотничьем мифе об олене Мяндаше, наделенном птичьими чертами⁶. Птица участвует в цепочке реинкарнаций «рыба – олень – птица – олень – рыба», развернутой по вертикали мирового дерева, которая «позволяет проследить мифологические истоки и связь разных форм промысловой деятельности» [Теребихин, 2004, с. 257].

---

² Львов В. Н. Русская Лапландия и русские лопари: географический и этнографический очерк. Москва : Типолитография товарищества И. Н. Кушнерева и К°, 1903. С. 38.

³ Харузин Н. Н. Русские лопари: очерки прошлого и современного быта. Москва : Высочайше утвержденное товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. С. 219; Шеффер И. Лапландия. Москва : У Никитских ворот, 2008. С. 151.

⁴ Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. Москва : Астрель : АСТ, 2003. С. 8.

⁵ Харузин Н. Н. Указанное сочинение. С. 276, 283.

⁶ Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке. Москва : Наука, 1965. С. 80.

⁶ <https://phsreda.com>

В романе встречаются отсылки к архетипическим мотивам и сюжетам, к архаическим фигурам тотемных предков. Однако, обращаясь к мифологии и фольклору, писатель творчески использует архетипические образы, выстраивая собственное видение мироздания, наполненное этническими смыслами [Гончаров, 2014, с. 95].

Примером этого может стать первая сказка сборника Н. Большаковой «Подарок чайки» – «Прародитель Мяндаш», в которой автор выстраивает сказочную Вселенную. Роль демиурга выполняет птица-Вселенная, отложившая яйцо, из которого вылупилось много птенцов: главными при этом являются птица-Солнце и птица-Земля. Полюбив друг друга, птица-Солнце и птица-Земля дают начало новому существу – оленю, прародителю саамов, которого называют Мяндаш-пырре. От отца-Солнца Мяндаш получает золотые рога, от матери и отца наследует черты летучести, поэтому бег его сродни полету: «Лети, Мяндаш, ищи себе судьбу». Так тотемный миф об олене трансформируется в собственный миф писателя, в котором она «упорядочивает мир, гармонизирует его с человеческими потребностями» [Мелетинский, 1994, с. 51], предлагает свою, авторскую программу космизации.

Автор романа, создавая сравнительно-образную систему сопоставления героев с птицами, смешивает объективную реальность и ирреальность. Анастасия в своих сновидениях и грезах превращается в птицу: иногда она представляла себя птицей или, находясь во сне, чувствовала невероятную невесомость. Родство героини и тотема-птицы особенно прослеживается в эпизоде, где Анастасия и Лахэн гуляют в предрассветном тумане. Наслаждаясь обществом любимого мужчины, героиня восклицает: «Удивительно идти в тумане, ... ступаешь, словно по облаку», в чем отражается способность птиц летать в облачных высях. Будто полет, который ранее Настя могла испытать только во сне, случился и наяву. Это подчеркивает важность момента в отношениях Лахэна и Анастасии. В том же диалоге Анастасия сообщает объективный, реалистичный факт, что она летала на Камчатку, имея в виду, конечно, путешествие на самолете, но при учете всех

пресуппозиций, введенных автором, слово «летать» расширяется и начинает восприниматься метафорически. Полеты героини на Камчатку в снах и мечтах отсылают нас к архетипическим мотивам путешествий [Мелетинский с. 72]. Образ птицы здесь, ранее являющийся героине во снах, мечтах, плотно вплетается в объективную реальность романа, что иллюстрирует развитие архетипического начала в героине.

Обретение Анастасией любви – также древнейший архетипический мотив победы космоса над хаосом, света над тьмой. Жизнь героини после встречи с Лахэном становится упорядоченной, наполненной смыслом, и в этом – отголосок древнейшего мифа о космизации [Мелетинский, 1994, с. 55].

Образ оленя реализуется на нескольких уровнях текста, в том числе выражен в зоологическом параллелизме, заключающемся в уподоблении персонажей романа оленьему роду. Божественное вмешательство и тема судьбы в сюжете также связаны с сакральными свойствами оленей.

Оленю-тотему посвящался саамский праздник имания оленей, который проводился осенью, когда у оленей начинался гон. Праздник иллюстрировался ритуально-театральным представлением: «пока у оленей шел гон... все... надевали на себя печки⁷ и липты⁸, как мужчины, так и женщины, и превращались в «олений»⁹. Приняв олений облик, саамы уподоблялись оленям-хирвасам¹⁰ и важенкам¹¹, имитируя их поведение. Мужчины, вооружившись оленьими рогами, сражались друг с другом за право обладать «важенкой». Когда один из «быков» побеждал, он имел право овладеть в ритуальном кругу выбранной «важенкой». Церемония сопровождалась танцами и жертвоприношениями.

В тексте романа с оленьим праздником связана судьба нуэита Белого Дня. В пору коллкэм-манн, когда начинался олений гон, саамы заботились о продлении рода, готовились к празднику имания оленей, знаменовавшему обновление

---

⁷ Верхняя саамская одежда.

⁸ Вид саамской обуви.

⁹ Большакова Н. П. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск : Мурманское книжное издательство, 2005. С. 405.

¹⁰ Олень-самец.

¹¹ Самка оленя.

⁸ <https://phsreda.com>

крови. Мотив перерождения, начала новой жизни связан с судьбой нуэйти Белого Дня, который именно в пору гона оленей встал на путь шамана. Инициация, пережитая нуэйтом, является символическим воспроизведением сезонных циклов, связанных у саамов непосредственно с ритмами жизни оленя. Такая этническая особенность учитывается и адаптируется автором романа, который помещает представления саамов об устройстве природы в сюжетную основу «Алхалалала», где повествование тесно переплетено с представлениями аборигенов о природных циклах. Именно с описания осени, начала саамского народного календаря, начинается действие романа, что неотделимо от сакрализации оленя, которому саамский народ подчинил свой быт.

Судьба возлюбленной Белого Дня по имени Варван тоже связана с оленьим праздником. В героине долго спит женщина, все никак не получается у Варван отяжелеть, о ее бесплодии начинают ходить слухи. Варван, подобно важенке в пору больших комаров, ослабевает от преследования гнуса, а у ослабленных животных и гон с запозданием начинался. Не было более сил у героини терпеть, поэтому она «просила живой солнечный огонь обогреть ее душу, а главное плоть, замороженную, словно оленья тушка». Мы видим, что образ оленя реализуется на лексическом уровне и на уровне тематическом.

Н. Большакова уподобляет персонажей и их взаимодействие друг с другом оленьему роду. В этом заключается принцип природосообразности архаического мышления саамов, которые не выделяют себя «отчетливо из окружающего природного мира» [Мелетинский, 1976, с. 165]. Такой зоологический параллелизм встречается в главах, посвященных прошлому саамского народа, где этническая целостность очевидна.

Связь с оленем закреплена тотемическими представлениями о кровном родстве саамов и оленя-прародителя Мяндаша. Он является сыном женщины-нойды, которая, приняв облик важенки, понесла от дикого оленя. С этими представлениями связан мотив оборотничества, встречающийся в фольклоре саамов. В романе связь с Мяндашем реализуется через мотив двоекультурия. Варван,

крещенная сначала в христову веру, а затем в веру саамов, также является носителем двух культур, оберегается русскими и саамскими богами. Это подчеркивается именем героини, которое является саамским аналогом имени Варвара (чужеземка). У саамов, как и у многих других народов, имя «определяло место и роль своего носителя в обществе, его предназначение» [Большакова, 2005, с. 106]. Варван носит на груди оберег в виде креста и изображения оленя Мяндаша, сделанный ее отцом. Другая героиня, Анастасия, потомок Варван и Белого Дня, также является носителем двух культур, в ней течет русская и саамская кровь. Анастасии достался тот самый оберег, который носила Варван. В этом выражена особенность религиозного сознания саамов, чьи «языческие верования сохранились... на условиях двоеверия наряду с христианством» [Филатов, 2020, с. 166]. Нам кажется, что через миф о Мяндаше и его связь с героями романа автор актуализирует и в некотором смысле мифологизирует феномены двоекультурия и двоеверия саамов.

С Варван связаны идеи предопределенности, судьбы и божественного покровительства. Ранее мы отмечали, что героиня находится под защитой богов. Однако саамские боги – это не собственно боги, а скорее отсылка к архаическим фигурам тотемных предков, участие которых в судьбе саамских предков было характерно для древнейших архетипических мотивов и сюжетов [Мелетинский, 1994, с. 51].

Божественное вмешательство отражено в романе через прием *dues ex machina*, являющийся собой неожиданное разрешение конфликта. Наличие такого приема в тексте, а именно в главах, посвященных далекому прошлому, демонстрирует наличие магического начала, еще не ушедшего под натиском цивилизации. Неожиданный выход из сложной ситуации непосредственно связан с архетипом оленя и этническими особенностями саамского народа. В период гона олени-самцы становятся особенно агрессивными – они защищают важенок и свои территории. Ярашка, молодой саам, решил поинтересоваться, как проходит гон, и зашел на территорию хирваса Смоляного Лба, который в итоге ранил вторженца. Ему на помощь пришел нойд Белый День. Шаман остановил кровь, но в

бой с «быком» вступать не хотел, так как знал, что с обезумевшим от сражений за важенок хирвасом ему сейчас не справиться, поэтому призвал на помощь другого оленя, который в итоге и победил Смоляного Лба. Оленя-победителя, полностью белого, но с черными ногами, будто обутыми в тобэрки, звали Чорныш, и был он из стада Томаско, дедушки Варван.

Антропоморфной чертой является «обувь» хирваса, которая может указывать на необычное происхождение оленя, например, оборотничество. Мы трактуем данный эпизод романа как материализацию мифа в лице Мяндаша, служившего защитником и покровителем Варван. Благородный олень спас Белого Дня, чем спас и Варван, возлюбленную шамана, так как нуэйт был послан этой девушке богами. В произведении этот эпизод является судьбоносным в сюжетной линии нойда и Варван. Чорныш также может быть этническим вариантом волшебного помощника, о котором писал В. Я. Пропп [Пропп, 2001]. Наличие волшебного помощника в реалистическом романе, а не в волшебной сказке, обусловлено, на наш взгляд, идеей практически не исследованного периода истории саамов, который в произведении представлен именно как место и время, наполненные магией.

В финальных главах, посвященных сюжетной линии Анастасии, героиня забирается в кукуль¹² из оленьей шкуры, что может быть прочитано как единение с культовым животным. Акт зашивания в шкуру символизирует приобщение к тотему, то есть в данном случае к оленю-тотему причащается героиня.

Заключение

Литература наследует фольклорные традиции, которые, в свою очередь, обращены к мифу. Связь современной текстовой культуры и мифофольклорных традиций на сегодняшний день кажется очевидной. Генетическое родство мифологического мышления и устного народного творчества было отмечено давно. Через фольклорные традиции можно познать мифологию народа, его отношение к своим традициям и обрядам. Именно через фольклорное начало исследуемого

---

¹² Спальный мешок.

романа Н. Большакова демонстрирует читателю мир глазами саамского народа, мироощущение саамов находит реализацию через коллективное творчество.

В саамской литературе обращение к архаике выражено ярко. Это объясняется тем, что «литературный дискурс является недавно освоенным способом говорения этноса о себе» [Бакула, 2017, с. 13]. Вековые устные традиции, лежащие в основе современной литературы саамов, обеспечивают тесную связь их прошлого и настоящего.

Роман пронизан мифологическими и фольклорными конструкциями, имеет множество отсылок к древнейшим архетипическим мотивам, сюжетам и образам. В тексте произведения мировоззрение аборигенов Севера нашло отражение и в этнических архетипах Солнца, Птицы и Оленя, которые играют важную роль во всей сюжетной канве романа, связаны как с природными циклами, так и с определенными психологическими состояниями главных героев. В сохранении элементов архаического мировоззрения древнего человека мы видим особенность саамской национальной литературы.

Список литературы

1. Бакула В. Б. Духовная культура саамов и ее отражение в языке. Мурманск : Принт-2, 2017. 287 с.
2. Бакула В. Б. Мифофольклорная основа сказок сборника Н. Большаковой «Подарок чайки» // Вестник угроведения. 2017. №1. С. 7–15. EDN: YK0SEJ
3. Бакула В. Б. Образ птицы в творчестве саамской писательницы Н. Большаковой // Вестник Томского государственного университета. 2019. №441. С. 5–11. EDN: XXKDNV. DOI: 10.17223/15617793/441/1
4. Гончаров С. А., Гончарова О. М. Этнокультурная самобытность автохтонного слова (опыт младописьменных литератур Севера, Сибири и Дальнего Востока // Культура и текст. 2014. №3. С. 87–103. EDN: TCURPB
5. Динисламова С. С. Интерпретация мифологических сюжетов в произведениях Ювана Ше-сталова // Финно-угорский мир. 2017. №4. С. 12–20. EDN: WCPWWG

6. Емашев А. А., Бакула В. Б. Универсальные архетипы в романе «Алхалалай» саамского писателя Н. Большаковой // Этническая культура. 2022. Том 4, №4. С. 29–33. EDN: GACCYY. DOI: 10.31483/r-103765
7. Жулева А. С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. Москва : Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2019. 328 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0539-3. EDN EVHOAY
8. Зыков С. Н. Сакральный образ птицы в предметах финно-угорской тематики // Фундаментальные исследования. 2014. №9–8. С. 1876–1880. EDN: SWOIYD
9. Коробейникова А. А., Пыхтина Ю. Г. О пространственных архетипах в литературе // Вестник Оренбургского государственного университета, 2010. №11. С. 44–50. EDN: MWMMCSJ
10. Курашкина Н. А. Реализация экологических архетипов в паремиях, содержащих образы птиц // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. №2. С. 280–289. EDN: CGEFNH
11. Кусаева З. К. Мифофольклорные традиции в осетинской литературе // Фундаментальные исследования. 2013. №4–4. С. 1005–1010. EDN: PWSXTR
12. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах : монография. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1994. 136 с. EDN: WZUDXL
13. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. Москва : Наука, 1976. 408 с. EDN: WZEKXF
14. Нимаева О. Э. Феномен архетипов и архетипических образов в традиционной культуре бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №6. С. 156–159. EDN: QAOPVX
15. Перевозкина Ю. М., Дмитриева Н. В., Перевозкин С. Б., Рюмина Т. В., Ганпанцурова О. Б. Построение конструкта для изучения доминантного архетипа // Сибирский педагогический журнал. 2013. №3. С. 167–174. EDN: QCWEYL

16. Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б., Дмитриева Н. В. Структура архетипической идентичности: от недифференцированного сознания к постинформационному пространству // Сибирский педагогический журнал. 2014. №3. С. 157–162. EDN: SHAYOV
17. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Москва : Лабиринт, 2001. 144 с.
18. Рачин Е. И. Структура и сущность этнического архетипа // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2011. №2. С. 80–90. EDN: OWTMQB
19. Темирханова Г. Б. Роль фольклорно-мифологических традиций в поэме И. Гусейнова «Шарвили» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Том 11. №2. С. 85–94. EDN: ZTCEWH
20. Теребихин Н. М. Метафизика Севера : монография. Архангельск : Поморский университет, 2004. 272 с. EDN: QKENZL
21. Филатов С. Б. Загадка уникальности религиозного сознания саамов // Современная Европа. 2020. №6. С. 163–173. EDN: DKBQKV. DOI: 10.15211/soveurope62020163173
22. Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера : монография. Новосибирск : Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2009. 129 с. EDN: UKLSVS
23. Domokos J. Endangered literature: essays on translingualism, interculturality, and vulnerability. Budapest : Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary L'Harmattan Publishing, 2018. 196 p.
24. Domokos J. On Sami poetics // L'image du Sápmi. 2013. P. 436–454.
25. Domokos J. The past is not a foreign country: Liminality in Askold Bazhanov's poetry // Verses & poems on the Saami land. Berlin : Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität, 2009. P. 185–196.
26. Gaski H. Song, poetry and images in writing: Sami literature // Nordlit. 2011. №27. P. 33–54.

27. Rießler M. Kola Sámi literature (Kildin Sámi, Ter Sámi, Akkala Sámi) // A writing hand reaches further «Čálli giehta olla guhkás» : recommendations for the improvement in the Sámi literary field. Helsinki, 2018. P. 70–75.

References

1. Bakula, V. B. (2017). Dukhovnaya kul'tura saamov i ee otrazhenie v yazyke. Print-2.
2. Bakula, V. B. (2017). Mythological and folk basis of collection of fairy tales “A gift of the gull” of N. Bolshakova. Bulletin of Ugric studies, 1, 7–15. EDN: YK0SEJ
3. Bakula V. B. (2019). The image of a bird in the works of the sami writer Nadezhda Bolshakova. Tomsk State University Journal, 441, 5–11. EDN: XXKDNV. <https://doi.org/10.17223/15617793/441/1>
4. Goncharov S. A. & Goncharova O. M. (2014). Ethno-cultural identity of indigenous literature (the experience of a newly created written literatures of the Russia’s North, Siberia and Far East). Culture and text, 3, 87–103. EDN: TCURPB
5. Dinislamova S. S. (2017). Interpretation of mythological plots in the works by Yuvan Shestalov. Finno-Ugric World, 4, 12–20. EDN: WCPWWG
6. Emashev A.A., & Bakula V.B. (2022). Universal Archetypes in the Novel “Alkhalalalai” by the Sami Writer N. Bolshakova. Ethnic Culture, 4(4), 29-33. EDN: GACCYY. <https://doi.org/10.31483/r-103765>
7. Zhuleva A. S. (2019). Mifopoeticheskaya model' mira v nenetskoy literature. Institut mirovoy literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiyskoy akademii nauk. EDN: EVHOAY <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0539-3>
8. Zykov S. N. (2014). Sacred image of a bird in Finno-Ugric articles. Fundamental research, 9–8, 1876–1880. EDN: SWOIYD
9. Korobeynikova A. A. & Pykhtina Yu. G. (2010). About spatial archetypes in literature. Vestnik of the Orenburg State University, 11, 44–50. EDN: MWMMCJ
10. Kurashkina N. A. (2020). Realization of ecological archetypes in paroemias containing bird images. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 2, 280–289. EDN: CGEFNH

11. Kusaeva Z. K. (2013). Mythological and folk traditions in Ossetian literature. *Fundamental Research*, 4–4, 1005–1010. EDN: PWSXTR
12. Meletinskiy E. M. (1994). *O literaturnykh arkhetypakh*. Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. EDN: WZUDXL
13. Meletinskiy E. M. (1976). *Poetika mifa*. Nauka. EDN WZEKXF
14. Nimaeva O. E. (2013). The phenomenon of archetypes and archetypical images in traditional culture of the buryats. *Bulletin of BSU*, 6, 156–159. EDN: QAOPVX
15. Perevozkina Yu. M., Dmitrieva N. V., Perevozkin S. B., Ryumina T. V. & Ganpanturova O. B. (2013). Creating a construct for studying of the dominant archetype. *Siberian pedagogical journal*, 3, 167–174. EDN: QCWEYL
16. Perevozkina Yu. M., Perevozkin S. B. & Dmitrieva N. V. (2014). Structure archetypical identity: from not differentiated consciousness to a postinformation field. *Siberian pedagogical journal*, 3, 157–162. EDN: SHAYOV
17. Propp V. Ya. (2001). *Morfologiya volshebnoy skazki*. Labirint.
18. Rachin E. I. (2011). The structure and essence of an ethnical archetype. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2, 80–90. EDN: OWTMQB
19. Temirkhanova G. B. (2017). The role of folklore and mythological traditions in “Sharvili” poem by Ibragim Guseynov. *Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences*, 11(2), 85–94. EDN: ZTCEWH
20. Terebikhin N. M. (2004). *Metafizika Severa*. Pomorskiy universitet. EDN: QKENZL
21. Filatov S. B. (2020). The mystery of the uniqueness of the religious consciousness of Saami. *Contemporary Europe*, 6, 163–173. EDN: DKBQKV. <https://doi.org/10.15211/soveurope62020163173>
22. Khazankovich Yu. G. (2009). *Fol'klorno-epicheskie traditsii v proze malochislennykh narodov Severa*. Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. EDN: UKLSVS
23. Domokos J. (2018). *Endangered literature: essays on translingualism, interculturality, and vulnerability*. Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary L'Harmattan Publishing.

24. Domokos J. (2013). On Sami poetics. L'image du Sápmi, 436–454.

25. Domokos J. (2009). The past is not a foreign country: Liminality in Askold Bazhanov's poetry. Verses & poems on the Saami land. Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität, 185–196.

26. Gaski H. (2011). Song, poetry and images in writing: Sami literature. Nordlit, 27, 33–54.

27. Rießler M. (2018). Kola Sámi literature (Kildin Sámi, Ter Sámi, Akkala Sámi). A writing hand reaches further "Čálli giehta olla guhkás" : recommendations for the improvement in the Sámi literary field. Helsinki, 70–75.

Емашев Андрей Андреевич – преподаватель, ГАПОУ МО «Мурманский технологический колледж сервиса», Мурманск, Российская Федерация.

Бакула Виктория Борисовна – д-р филол. наук, доцент, профессор, ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет», Мурманск, Российская Федерация.

Andrey A. Emashev – lecturer, Murmansk Technological College of Service, Murmansk, Russian Federation.

Victoria B. Bakula – Dr. Sci. (Phil.), associate professor, professor, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation.
